Почему партии социалистов-революционеров не удалось реализовать свою демократическую альтернативу в 1917 году?

К.Н. Морозов

Константин Николаевич Морозов, доктор исторических наук, профессор Института общественных наук РАНХиГС, 119571, Москва, проспект Вернадского, 82. E-mail: morozov.socialist.memo@gmail.com

В статье анализируются причины того, почему не удалось реализовать свою демократическую альтернативу партии социалистов-революционеров. В противовес доминирующему до сих пор взгляду, что в России могла утвердиться только диктатура — белая или красная, автор считает, что в России в 1917 году созрели необходимые минимальные и достаточные предпосылки для развития по пути демократии и бурно шли процессы роста элементов и структур гражданского общества — общественных организаций, партий, профсоюзов. Впрочем, восходящему потоку противостоял поток нисходящий, который особенно ярко проявился в годы Гражданской войны, — на архаизацию, насильственные действия вместо мирных, распыление модерновости.

Причины срыва эсеровской альтернативы, с одной стороны, лежат в объективных условиях, в том числе и накаленности социально-политических противоречий, вызванных слишком долгой затяжкой модернизации страны предыдущим режимом, всеобщим озлоблением и усталостью, вызванными войной, в психологической привлекательности популистских лозунгов большевиков, обещавших «всё и сразу», в отличие от эсеров, предлагавших оборонять страну и откладывать проведение социально-экономических преобразований до созыва Учредительного собрания и т. д., в безответственных действиях большевиков, стремящихся к власти.

С другой стороны, искать причины неудач ПСР в 1917 году следует также и в самой партии и в ее действиях, в переплетении неизжитых иллюзий, идеологических расхождений и личной борьбы за власть в партии. Среди них и неизжитые иллюзии в адрес вчерашних большевистских друговрагов, в которых многие эсеры видели не столь страшных врагов, как в Корнилове или Деникине, и прекраснодушие этих людей и неисправимый оптимизм. Кроме того, свою роль играло и желание действовать правовыми методами, без экспериментаторства и авантюр.

Ключевые слова: партия социалистов-революционеров, демократическая альтернатива, политическая борьба в 1917 году, причины неудач эсеровской партии в 1917 г.

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-2-55-70

В этой статье речь пойдет только о причинах того, почему не удалось реализовать свою демократическую альтернативу партии

социалистов-революционеров — одной из самых влиятельных организаций, действовавших в России в 1917 году, даже несмотря на победу ПСР на выборах в Учредительное собрание.

О целом ряде других сюжетов и проблем, тесно связанных с вышеназванной темой, в том числе о существовании не только демократической, но недемократической эсеровской альтернативе и о двух эсеровских вариантах народнической модели общественно-политического переустройства России — демократическом и недемократическом, а также о спорах вокруг возможности альтернатив в истории и осуществимости эсеровского демократического проекта, речь уже шла (и еще будет идти) в других статьях и дискуссиях.

Нужно более критически относиться к тому, что победить в 1917 году демократическая альтернатива не могла, а победить могли и тогда, и позже только красные или белые. Представляется, что можно говорить о традиционной недооценке и недостаточной изученности как степени зрелости формирующегося российского гражданского общества, так и на реальных восходящих модернизационных процессов, которые в течение многих десятилетий недооценивались и упрощались.

Это очень важно, так как до сих пор доминирует взгляд, что в России могла утвердиться только диктатура — белая или красная, и с порога отметаются попытки хотя бы проанализировать иные возможные альтернативы. Кстати, и консерваторы всех мастей в эмиграции, и коммунисты в России (а также и те, кто это повторяет до сих пор) часто утверждали и утверждают это вместе с другой лжеаксиомой — «Россия к демократии не готова» и часто добавляли (иногда подразумевали): «И не надо!»

Можно с очень большой долей уверенности констатировать, что в России созрели необходимые минимальные и достаточные предпосылки для развития по пути демократии и, более того, в 1917 году очень бурно пошли процессы роста элементов и структур гражданского общества — общественных организаций, партий, профсоюзов. Восходящий поток роста и процесса развития и укрепления всех этих структур был очень мощным. Пошел и процесс роста самосознания и политического развития Характерен пример, когда, по свидетельству эсера Б. Соколова, солдаты, сначала не понимавшие идеи Учредительного собрания и тяготевшие к традициям общинного самоуправления, под воздействием агитаторов-социалистов приняли необходимость Собрания уже к лету 1917 года.

Впрочем, восходящему потоку противостоял поток нисходящий, который особенно ярко проявился в годы Гражданской войны, — на архаизацию, насильственные действия вместо мирных, распыление модерновости. Примечательны слова члена ЦК ПСР Е.М. Тимофеева о том, что эсеры добились больших успехов в отрыве питерского пролетариата от большевиков

к лету 1918 года, но недоучли традиции русского народа уходить от проблем — и рабочие из Питера летом 1918 побежали в деревни на прокорм, а сам пролетариат в целом стал деклассироваться и съеживаться.

Была ли возможна демократическая альтернатива развития, под которой подразумевается дальнейшее развитие страны по пути политических свобод, демократии и парламентаризма, которое могло быть реализовано после победы эсеров в Учредительном собрании (далее — УС) и при их определяющем влиянии на политическую жизнь страны? То есть речь идет о той альтернативе, в которой УС не было бы разогнано, а выполнило бы свое историческое предназначение.

Говоря об эсеровской демократической альтернативе, речь идет, конечно, не о воплощении в жизнь эсеровской модели социализма, которая в полном виде была нереализуемой, как и любая теоретическая концепция. Главное заключается в том, что, с одной стороны, эсеры сохранили и развили бы институты демократии и парламентаризма, действующие в условиях политических свобод и многопартийности, а с другой — эсеры упирали не на огосударствление всего и вся и подавление политических свобод, что привело коммунистов к сталинизму с его чудовищной бюрократизаций и несвободой, а делали ставку на развитие самодеятельности, активности и самосознания трудящихся через их участие в органах самоуправления, профсоюзах, земельных комитетах, кооперации и Советах.

Почему представляется возможным говорить о возможности демократической альтернативы в 1917 году, которую условно можно назвать «эсеровской»?

Прежде всего предложенная партией эсеров программа преобразования страны, где главными пунктами были «социализация земли» и федеративное устройство России, получила поддержку значительной части страны. Именно это позволило ей стать в 1917 году самой многочисленной и популярной партией в России. Так, летом 1917 года в 436 эсеровских организациях насчитывалось около 1 млн человек (у кадетов в апреле-мае — 100 тыс. человек в 146 организациях; у большевиков (осенью) около 350 тыс. человек).

Еще более убедительным аргументом в пользу возможности общественно-экономических преобразований при доминировании эсеров представляется победа эсеров на выборах в Учредительное собрание, проходивших уже после захвата власти большевиками, всеми способами пытавшихся повлиять на ход и результаты этих выборов, когда ПСР получила 58% голосов (вместе с национальными партиями эсеровской ориентации) или 39,5% чисто ПСР (по подсчетам Л.Г. Протасова). Впрочем, нужно учитывать, что эсеры и левые эсеры шли по единым спискам на выборы в УС и лишь позже левые эсеры выделились в отдельную партию — ПЛСР, ставшую на короткое время союзницей большевиков.

Можно вслед за В.И. Лениным как угодно трактовать результаты выборов по губерниям, но то, что эсеры одержали победу с таким перевесом, несмотря на все свои предшествующие ошибки, весьма показательно. Традиционное ленинское объяснение популярности эсеровской партии и ее лозунгов, сводящееся к пресловутой «мелкобуржуазной волне», вряд ли может сегодня удовлетворить исследователей. Увы, но и сегодня эти ленинские оценки, как и ошибочное представление, что сама суть эсеровской партии, ее душа и квинтэссенция — это террор, продолжают жить и уводить внимание от главного — что победа ПСР на выборах в Учредительное собрание и принятие ее законопроекта «социализации земли» — было не чем иным, как легитимной победой эсеровско-демократической альтернативы, началом движения России по пути сохранения и развития политических свобод, демократии, парламентаризма и целенаправленной защиты прав трудящихся и движения к социальному государству. Что именно этот путь развития, предложенный демократической частью эсеровской партии, и есть самое главное в ней, ее квинтэссенция, а вовсе не террористическая тактика, как представляется, принесшая ей как массовой социалистической партии больше вреда, чем пользы.

Что касается до сих пор встречающихся рассуждений о «мелкобуржуазности» и «несоциалистичности» эсеров, то следует понимать, что партия социалистов-революционеров была социалистической партией, принадлежащей к старейшей ветви русского социализма — народничеству. Сам же термин «мелкая буржуазия» требует к себе намного более критического отношения. Не надо забывать, что он зачастую использовался как ярлык, который навешивали друг на друга, например, и большевики, и меньшевики.

Еще раз подчеркнем, что эсеровская демократическая альтернатива не просто стала возможной, но и начала воплощаться в жизнь самим фактом созыва Учредительного собрания, победой в нем эсеров и первыми же принятыми законами. Нет сомнений, что не разгони большевики при поддержке левых эсеров и части анархистов Учредительное собрание, страна осуществила бы свой шанс продолжить развитие по пути сохранения политических свобод, многопартийности, демократии и парламентаризма.

В.М. Чернов, анализируя причины выборных успехов ПСР не только в первый период 1917 года, но и в его конце, констатировал: «Эти выборные успехи приходится всецело приписать огромной популярности, которую завоевала эсеровская *программа*, в особенности же два ее пункта: земельная реформа и требование федеративного переустройства России. Наоборот, источником слабости партии была ее *тактика*»[1].

Но потенциальная возможность вовсе не означает реальное осуществление. Это две разные плоскости, которых почему-то часто

1. Hoover Institution Archives. Collection B. Nicolaevsky. Box 10. F. 5.

не видят. Реальному осуществлению помешало множество причин как объективного, так и субъективного характера и различной значимости.

Итак, почему ПСР — крупнейшей партии в 1917 году — не удалось реализовать движение по пути политических свобод и демократии и воплотить на практике свою демократическую альтернативу?

Часть причин лежит в объективных условиях, в том числе и в накаленности социально-политических противоречий, вызванных слишком долгой затяжной модернизации страны предыдущим режимом, всеобщим озлоблением и усталостью, вызванными войной, в психологической привлекательности популистских лозунгов большевиков, обещавших «всё и сразу», в отличие от эсеров, предлагавших оборонять страну и откладывать проведение социально-экономических преобразований до созыва Учредительного собрания и т. д.

Об объективных обстоятельствах и причинах неудач ПСР в 1917 году надо говорить всерьез, так как не следует забывать, как их оппоненты из большевистского и левоэсеровского лагеря, а затем и советские историки, всегда затушевывали их, предпочитая говорить об «измене эсеров интересам трудящихся», о том, что эсеры продались «международному и российскому капиталу».

Безусловно, внешние условия для реализации созидательного потенциала как эсеров, так и других сил, стремившихся к развитию страны на базе сохранения демократии и политических свобод, были крайне неблагоприятные: ненависть и ожесточение, раздутые войной до небывалого уровня.

Кроме того, нужно помнить об институциональной слабости только-только формирующихся структур гражданского общества и невысоком уровне политической культуры большинства населения страны.

Особо отметим стремление масс «получить всё и сразу», родившееся, с одной стороны, из своего рода «отложенного спроса», с другой — из фантастических социальных иллюзий масс, не понимавших сложности социально-политического устройства общества и механизмов его функционирования и развития.

Фактически массы в условиях мировой войны хотели значительно большего, чем могла им дать самая искренняя, самая демократическая власть.

Конечно же, на этом и спекулировали большевики, рвавшиеся к власти и готовые ради нее на все — от скоропалительной измены большинству своих социал-демократических постулатов до готовности пойти на авантюры и преступления.

Парадокс в том, что пружину «отложенного спроса» и социально-политической неудовлетворенности сжимала десятилетиями старая власть, а сметать всё на своем пути эта пружина стала уже после гибели монархии, и виновными в этом назвали демократов.

Коридор возможностей для сохранения эсерами демократии в России, как представляется, был, хотя и весьма узкий. Как

справедливо говорила член ЦК ПСР Евгения Ратнер в декабре 1917 года на IV съезде ПСР, для этого нужно было созывать Учредительное собрание на 2–3 месяца раньше и как можно скорее осуществлять на практике аграрные преобразования. Ее вывод гласил: «Большевики здесь бесконечно виноваты перед историей: они ввергли Россию в нищету и поражение. Но виноваты и мы, ибо не сделали того, что должны были сделать. <...> Мы не отстояли классовых интересов трудящихся»[2].

Первоначально эсеры оказывали поддержку Временному правительству, не входя в его состав, но затем трижды на протяжении 1917 года входили в коалиционные правительства (А.Ф. Керенский, В.М. Чернов, Н.Д. Авксентьев, С.Л. Маслов). Но характерно, что В.М. Чернов, состоявший в первых двух коалиционных правительствах в качестве «министра земледелия», подал в июле 1917 года в отставку из-за практической невозможности защиты интересов крестьян в духе эсеровской «социализации земли» из-за противодействия кадетов и Г.Е. Львова.

На VII Совете партии было отвергнуто как «авантюристическое» предложение М.А. Спиридоновой установить единовластие партии эсеров. Предложения В.М. Чернова о создании коалиционного социалистического правительства без кадетов блокировались внутри руководства партии правыми и правоцентристами. Из-за отсутствия единства фракция социалистов-революционеров на Демократическом совещании (27 сентября — 5 октября) хотя и была самой большой, но не смогла повлиять на его решения.

Чернов и ряд левоцентристов и левых эсеров в сентябре 1917 года выступали за отказ от коалиционной политики и создание коалиционного социалистического правительства. Было даже принято такое решение ЦК ПСР во время работы Демократического совещания, но правоцентристы Гоц и Авксентьев вновь заблокировали этот курс, и вновь была продолжена политика коалиции с буржуазными партиями.

В.М. Чернов прямо обвинял Гоца и Авксентьева в том, что, цепляясь в 1917 году за отжившую непопулярную идею коалиции, они сыграли на руку большевикам. Попытки Чернова создать в сентябре 1917 года правительство из социалистических партий, чтобы выбить козыри из рук большевиков и продержаться до Учредительного собрания, были блокированы Н.Д. Авксентьевым, И.И. Фондаминским, В.М. Зензиновым, А.Р. Гоцем.

Если бы было реализовано в сентябре создание коалиционного социалистического правительства, проведены выборы в Учредительное собрание и земельные реформы, путь развития страны мог быть иным.

По не вошедшим в книгу воспоминаниям В.М. Чернова, во второй половине 1917 года он в один из «...переломных для партии

2. ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 69. Л. 180–181.

моментов» «...тщетно доказывал, что коалиционный период кончен, что или надо отдавать власть цензовикам — что вызовет немедленно новую революцию, бенефициантами которой выйдут большевики, или брать власть в руки «однородного» — эсеро-трудовически-меньшевистского правительства. Керенский в таком относительно-однородном правительстве участвовать категорически отказывался. Проститься с ним верхи нашей партии не решались и скрепя сердце шли на новое перешивание «Тришкина кафтана коалиции». Гоц и Авксентьев метались, подобно маятнику, с Галерной (резиденция Ц.К-та) в Зимний дворец и обратно»[3].

По словам В.М. Чернова, на одном из таких собраний ЦК присутствовал О.С. Минор, ненадолго приехавший из Москвы, занимавший «коалиционистскую позицию». Вернувшись из Зимнего дворца, Авксентьев и Гоц объявили, что кадеты проявляют небывалое упорство и без новых уступок им Керенскому не удастся составить кабинет. И тут О.С. Минор «...вдруг взвился на дыбы: "Ну и к черту их! Не хотят, так и не надо. Была бы честь предложена, а от убытку бы избавил. Чего на них смотреть — образуем свое собственное правительство, и дело с концом, внакладе останутся они, а не мы..."»[4].

В.М. Чернов вспоминал: «Я был приятно удивлен новым неожиданным союзником, а коалиционисты смущены отпадением такого видного единомышленника. В ответ на слабые возражения, что у объединенной трудовой демократии, пожалуй, даже не найдется достаточно компетентных людей для возглавления всех министерств, я тотчас же предъявил примерный список, почти по всем министерствам, дублированный на случай отказа намеченных кандидатов. О.С. Минор настоял, чтобы Гоц и Авксентьев взяли этот список с собою и предъявили его Керенскому, если он снова заявит, что без кадет кабинета образовывать не станет, и снова демонстративно будет спрашивать, в чьи же руки ему сдавать власть... Но прежней напористости у О.С. уже не было. Он вспыхнул и загорелся старым боевым огнем ненадолго, чтобы вскоре опять остыть. Наши делегаты вернулись с новым, на мой взгляд, более чем неудовлетворительным компромиссом, но я тщетно возражал против него. О.С. быстро сдался и поспешил уехать назад, в Москву»[5].

Двадцать лет спустя А.Р. Гоц справедливо считал, что правая часть руководства ПСР сделала собственную партию заложником действий Временного правительства и А.Ф. Керенского: «Участие Керенского в правительстве в докоалиционный период приводило к тому, что партия с.-р., не имея возможности влиять на ход политики Временного правительства, тем не менее несла всю полноту ответственности за все шаги его (выделено нами. — *К.М.*).

3. ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 69. Л. 918.
4. Там же. Л. 918–919.
5. Там же. Л. 919.

Особенно трагически для партии с.-р. ненормальность подобного положения сказалась во время июньского наступления, оказавшего, как известно, огромное влияние на позднейшие события и давшего мощный толчок к дальнейшему развязыванию революционных сил»[6].

Но помимо ряда объективных причин, искать причины неудач ПСР в 1917 году следует также и в самой партии, в ее действиях, в переплетении неизжитых иллюзий, идеологических расхождений и личной борьбы за власть в партии. Среди этих причин и неизжитые иллюзии по отношению к вчерашним большевистским друговрагам, в которых многие эсеры видели не столь страшных врагов, как в Корнилове или Деникине; и прекраснодушие этих эсеров, их неисправимый оптимизм. Кроме того, свою роль играло и желание действовать правовыми методами без экспериментаторства и авантюр.

Стремительный переход от организационно ничтожной и подпольной партии эсеров к правящей и решающей судьбы страны застал партию эсеров не очень-то к этому готовой.

По мнению А.Р. Гоца, поддержку крестьян и солдат ПСР потеряла из-за оттягивания решения земельного вопроса, а главное — из-за вопроса о мире. Но причины откладывания решения земельного вопроса были вовсе не те, в которых эсеров обвиняли большевики — «предательство интересов крестьянства буржуазии», а... в опасениях развалить фронт: «В земельном вопросе оборонческая позиция партии также наложила свой роковой отпечаток. Из-за опасения, что раздел земли в разгар военных действий может вызвать повальный отлив крестьянства из армии в деревни, и считаясь с тревожными воплями наших продовольственников, что немедленный раздел земли может поставить под угрозу все дело снабжения действующей армии и вызвать полный крах фронта, мы вынуждены были вести кунктаторскую политику, политику затяжек и задержки в земельном вопросе, которая вызвала недовольство и разочарование деревни, требовавшей немедленной реализации своих вековых чаяний»[7]. За коалицию с кадетами и буржуазией часть эсеров цеплялась тоже из-за необходимости продолжать войну.

Серьезным источником слабости ПСР стал тот внутрипартийный раздрай, который начался в ПСР уже после дела Азефа, и привел к обрушению морально-психологической атмосферы в партии, распаду ее «коллективного лидера», усилению фракционных процессов, а после начала войны — и расколу на оборонцев и интернационалистов.

Партия, которая ранее в 1902–1913 годах была едина в своем отношении к войне, вдруг раскололась на тех, для кого патриотизм

6. ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 95. Л. 22–25.
7. ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 95. Л. 17–19.

и Россия оказались важнее, чем революция и классовые интересы трудящихся, и наоборот. Они вдруг поняли, что ставят во главу угла разные приоритеты и стали варварами друг для друга, заговорив на разных языках. Не случайно, что уже в 1915 году дело дошло до разрыва личных отношений.

В чем, собственно, дело? В том, что оборончество родило совершенно непривычное до этого в эсеровской среде государственничество, усугубившееся в 1917 году победой Февральской революции, когда встал вопрос о защите уже революционной России, что сделало революционными оборонцами даже таких интернационалистов, как Чернов. Насколько был серьезен раскол и до какой степени оборонцы как патриоты-государственники и пораженцы как интернационалисты говорили уже на разных языках, хорошо видно из выступления эсера-оборонца Иваницкого-Василенко на III съезде ПСР в мае-июне 1917 года: «Вопрос о Константинополе, вопрос о проливах — это вопрос русского империализма, но не экономического империализма, а того империализма, который стремится завоевать необходимые ценности, необходимые культурные ценности для развития России. Мы желаем получить доступ к источнику мировой культуры — к Средиземному морю!» (Партия социалистов-революционеров, 2000: 215).

Нетрудно себе представить, как на подобное высказывание могли реагировать левые эсеры и левоцентристы, стоявшие на интернационалистических позициях!

Для них это явно было предательством революционных идеалов со стороны их прежних товарищей.

С другой стороны, оборонцы смотрели на интернационалистов как на пораженцев-предателей родины, объективно помогающих врагам России.

Внутрипартийный разлад густо был замешан не только на идейных разногласиях, но и на отсутствии авторитетного партийного вождя, в отсутствие которого (да еще в условиях сильно обострившихся личных взаимоотношений) ряд видных партийных деятелей претендовали на лидерство в партии (усиливая этим сумятицу и окончательно раскалывая партию).

В.М. Чернов, говоря о причинах центробежных сил, раскалывавших партию, о причинах потери управляемости партии и ошибках в ее тактике, связывал воедино то, что партию затопили «мартовские эсеры», и то, что Чернов оказался один, без поддержки М. Гоца и Гершуни: «Но сама сила партии была источником ее слабости. В ряды эсеров неудержимо устремилась пестрая и многоликая улица. Это напоминало бегство овечьего стада. Люди, которые вчера понятия не имели ни о каких партиях, сегодня называли себя социалистами-революционерами и решали вопросы партийной жизни. Ничтожная горстка старых эсеров тщетно пыталась справиться с сырой, неоформленной массой, которая заполонила партию. Ни в какой другой партии переход от старого

"скелета" к новому живому организму не был таким беспорядочным; тем более что в предшествующий период смертельной борьбы с самодержавием ни одна партия не понесла столько жертв и не была так обескровлена. Григорий Гершуни — возможно, величайший революционер на свете, организатор партийных боевых групп — умер в царской тюрьме десять лет назад. Михаил Гоц, человек замечательных способностей и неиссякаемой энергии, прозванный «партийной совестью», умер от таинственной болезни, обострившейся в неаполитанской тюрьме, куда его посадили по настоянию царского правительства. После этих потерь Виктор Чернов, создатель "военной доктрины" партии, теоретик движения, чувствовал себя в полном одиночестве. В годы мировой войны его изоляция усилилась» (Чернов, 2007: 370).

С весны 1917 года были сделаны попытки воссоздать единое партийное руководство, был избран единый ЦК, много говорилось о единстве партии, но на практике под маской единого руководства и ЦК разгоралась подковерная внутрипартийная борьба, результатом которой стал ряд серьезных ошибок в тактике ПСР, приведших ее к потере поддержки в массах.

В.М. Чернов вспоминал в 1930-х годах: «Попытки Чернова реализовать аграрную политику партии привели к его изоляции внутри правительства, а затем и к отставке. Лидеры партии принесли политику Чернова в жертву коалиции. Вместо того чтобы перенести центр тяжести в сторону социализма, как происходило во всей стране, Керенский постоянно перекраивал правительство, заменяя социалистов, преданных партии, угодливыми беспартийными "социалистами". Партия терпела это положение так долго, что падение Временного правительства, которое она тщетно пыталась защитить, стало катастрофой и для нее самой.

Партия эсеров не реализовала собственную политику, политику Третьего съезда. Ее курс сместился вправо.

Чем было вызвано это смещение? Следующий партийный съезд осудил Центральный комитет за слабое руководство, терпимость к нарушениям партийной дисциплины и неумение воплотить в жизнь решения партии» (Чернов, 2007: 373).

Позже он писал: «Через полгода после Третьего съезда партийная линия еще больше сместилась вправо. Дело дошло до того, что цикл статей Чернова, предупреждавших о приближении катастрофы, не был опубликован в центральном органе партии даже как его личное мнение. Центральный комитет решил, что партия слишком привыкла воспринимать статьи Чернова как официальную позицию руководства, что их отклонение от курса комитета может сбить с толку рядовых членов. Но и тут Чернов подчинился дисциплине и стал терпеливо ждать созыва Четвертого съезда.

<...> К несчастью, скорость развития исторических событий опередила ход неповоротливой партийной машины. <...> Линию

партии выправили, но было уже слишком поздно» (Чернов, 2007: 379).

То, что «правая» часть руководство партии не придавала большого значения партии как важнейшему инструменту политической борьбы, а увлеклась верхушечными политическими комбинациями, видно не только из того факта, что в партийных организациях на петроградских заводах даже в августе 1917 года не было освобожденных партийных работников по причине отсутствия денег и непонимания важности укрепления своих позиций на заводах, но и то, что руководство не озаботилось как следует наладить информирование собственной партии о внутрипартийных делах. Так, например, ряд вопросов делегатов IV съезда ПСР, проходившего в конце ноября — начале декабря 1917 года, свидетельствовал о плохой информированности делегатов партии о партийных делах и о том, что они черпали информацию из большевистских и левоэсеровских источников в соответствующей трактовке.

Впрочем, объективно не хватало ни кадров партийных организаторов, ни денег, ни времени на эту грандиозную работу организационного оздоровления партии.

А задача оздоровления ее морально-психологического климата и восстановления атмосферы товарищеских взаимоотношений, характерных до 1908 года, в рамках единой партии, в которой все друг с другом переругались, вообще была нерешаемой. На мой взгляд, Партии эсеров не повезло, что она в 1913–1914 годах, несмотря на все попытки, не смогла или не успела провести III съезд партии, который называли Учредительным, так как многие были уверены, что во главе партии встанут новые молодые эсеровские силы, пришедшие в партию после 1911 года и создавшие новые российские партийные организации, взамен распавшихся и разгромленных. Они возглавят партию и войдут в ЦК, вместо скомпрометировавших себя старых лидеров и предложат партии свою идейно-тактическую линию, поддерживаемую российскими эсерами. Тогда же и прошли бы расколы и отколы всех несогласных.

Увы, вместо этого старая партия к 1917 году пришла формально единой, но с разрушенной морально-психологической атмосферой и в ожесточенной идейной борьбе.

Как показал 1917 год, политические элиты редко соответствуют вызовам истории, и справедливо говорят: «Генералы готовятся к прошедшим войнам!» Политические генералы тоже оказались не на высоте тех вызовов, которые поставила перед ними история. Во время прений по докладу Чернова о текущем моменте член ЦК ПСР Прилежаев на IV съезде ПСР заявил: «Одно время власть была у нас в руках, у нас были громадные ресурсы. За нами стояли масса пролетарская, масса крестьянская, масса солдатская. <...> В.М. на одном из заседаний ЦК, когда речь шла о том, что мы наживаем себе врагов, не ведя определенной политики, сказал, что наша тема такая, которая нас вывезет, что тема эта хорошая — земля и воля.

И вот случилась необыкновенная вещь. Оказалось, что тема эта, действительно, лучшая, что она от нас ускользнула, она перешла к большевикам. Теперь большевики обладают многими хорошими темами и власть находится у них.

<...> Мы не верили в энтузиазм массы, и центр тяжести нашей работы перенесли на то, что в тиши кабинетов писались аграрные законы. Да, у нас на носу был и закон аграрный и был мир. Но, очевидно, мало писать декреты, мало писать аграрные законы. Революция имеет свои законы, процесс революции имеет свою психологию, свой метод действий»[8].

Представляется, что нельзя было воссоздавать весной 1917 года единую партию. Или же В.М. Чернову надо было решительно колоть ее весной-летом 1917 года и вести собственную линию, создав коалиционное социалистическое правительство и настояв на скорейшем созыве УС и проведении аграрных реформ.

Чернов в своей книге «Великая русская революция» неохотно признает, что его надежды на единство оказались преувеличенными. Третий съезд принял центристскую линию поведения, но правое большинство ЦК напористо вело свою линию, а он подчинялся партийной дисциплине и не решился расколоть партию. Вот его признание, которое дорогого стоит: «В 1917 году верхи партии были столь далеки от низов, что человек с характером Ленина мог бы многого достичь, ставя ультиматумы руководству партии, подкрепляя эти ультиматумы призывом к рядовым членам. Критические обстоятельства слишком часто требовали резкого поворота руля, но усилия Чернова ослаблял страх за судьбу партии. Он действовал менее твердо и решительно, чем требовалось для принятия его точки зрения, иногда опасаясь разорвать и без того ослабевшие партийные узы, иногда боясь сбить с толку местные партийные организации своей личной борьбой с Керенским, иногда надеясь, что тактика выжидания и откладывания конфликта поможет выяснить, кто был прав, а кто нет, и безболезненно выправить партийную линию. Возможно, эти причины были уважительными, но следует признать, что Чернов принес в жертву фетишу недостижимого партийного единства активную защиту той самой программы, которую партия формально одобрила по его инициативе» (Чернов, 2007: 378-379).

Важно подчеркнуть: неуспехи эсеров в 1917 году связаны также с отсутствием общепартийного вождя, который мог бы объединять и вести за собой и руководителей партии, и партийную массу. Существовавший ранее «коллективный лидер» распался к Первой мировой войне, начались мощные фракционные процессы, сильно обострившиеся с расколом на оборонцев и интернационалистов.

А.Р. Гоц писал двадцать лет спустя об отсутствии авторитетного лидера как о весьма важном факторе, способствовавшем неудачам ПСР в 1917 году: «Необходимо также подчеркнуть, что росту

8. ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 69. Л. 194–195.

центробежных сил, раскалывавших партию с.-р., в значительной мере содействовал и тот факт, что партия с.-р. вступила в революцию без общепризнанного вождя. Партия с.-р. располагала в период 1917 году значительными кадрами: в ее состав входили талантливые журналисты, одаренные муниципальники, видные кооператоры, профессиональные работники, опытные крестьянские работники, неплохие профессионалы-подпольщики. Но ее не возглавлял вождь с непререкаемым авторитетом, за которым партия привыкла бы идти во все поворотные моменты истории. В.М. Чернов был наиболее видным идеологом партии, но он не обладал ни способностями организатора, ни данными государственного деятеля, ни политической прозорливостью и целеустремленностью политического вождя (выделено нами. — *К.М.*)» [9].

Керенского в роли партийного вождя не признала ни значительная часть руководителей ПСР, ни партийные функционеры.

Чернов писал позже о Керенском: «Внутри партии эсеров он с начала и до самого конца оставался “вещью в себе”, самовольным и капризным политическим партизаном. Естественно, его псевдоромантическая личность и громкое имя привлекли в партию так называемых “мартовских эсеров” — гибридную группу, руководствовавшуюся стадным инстинктом, модой на эсеровскую философию, ореолом прошлой героической борьбы или просто соображениями карьеры. Эти люди сделали Керенского живым знаменем, восхищаясь его умением сколачивать коалиции и манерами диктатора. Все они присоединялись к правому флангу партии, который оставался эсеровским только по названию.

<...> В глубине души Керенского всегда тянуло к диктатуре, но внешне он сопротивлялся этому желанию. То, что Керенский формально числился эсером, создавало для партии огромные сложности. Она несла за него ответственность как за одного из своих вождей, хотя в рядах партии он был таким же чужеродным элементом, как человек с другой планеты. Его политика полностью противоречила платформе социалистов-революционеров. Но порвать с ним становилось все труднее и труднее, поскольку это означало бы попытку сформировать относительно однородное правительство демократии трудящихся с оттенком социализма. Это означало бы разрыв с партией меньшевиков, которая оспаривала данную идею с пеной у рта. Существовала и опасность раскола внутри партии, создания “национальной партии социалистов-революционеров” и ухода многих людей с громкими именами. Раскол накануне выборов в Учредительное собрание мог лишить партию всех ранее достигнутых успехов. Группа центра во главе с Черновым не могла с этим мириться» (Чернов, 2007: 372, 374-375).

В.М. Чернов признавал, что ошибся в Керенском, надеясь использовать его популярность: «Чернов доверял людям больше,

9. ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 95. Л. 6.

чем следует политику. На первых порах он с более молодым Гоцем протянул руку Керенскому, юная сила и огромная популярность которого могли пойти на пользу партии. Однако популярность Керенского была неглубокой, ей еще только предстояло проникнуть в массы. Гоц и Чернов строили планы: Керенский возглавит правительство, подпишет декрет, запрещающий все сделки с землей, свяжет свое имя с традиционной крестьянской мечтой об изъятии земли у помещиков, с мечтой о свободном доступе к земле для тех, кто ее обрабатывает. Казалось, Керенский с этим согласен, но выяснилось, что нет. Он не хотел терять популярность у цензовой публики. В конце концов с этими планами и надеждами пришлось расстаться. Чернов долго не желал приносить в жертву надежды, которые он возлагал на Керенского. Он написал декларацию, которая должна была определить связь Керенского с партией, без ведома коей последний вошел в буржуазное правительство» (Чернов, 2007: 376).

Американский историк О. Радке считал, что Г.А. Гершуни, будь он жив в 1917 году, сумел бы повести за собой партию и противостоять Ленину.

Сам Чернов в начале 1930-х годов в книге, посвященной юбилею Февральской революции, считал, что успешным было бы трио из М. Гоца, Гершуни и самого Чернова: «В таких условиях центру приходилось нелегко. Ему было бы нелегко даже в том случае, если бы сохранилось старое ядро партии во главе с Черновым, Михаилом Гоцем и Григорием Гершуни. Но оставался один Чернов, больше теоретик, оратор, публицист, лектор и ученый, чем профессиональный политик. Истинно славянская широта натуры, мягкость и уступчивость сочетались в нем с тенденцией уходить в мир идей, социальных диагнозов и прогнозов, умственной инициативы и творческого воображения и предоставлять конкретную организацию текущей работы другим» (Чернов, 2007: 375).

Увы, триумвират, как и любой другой коллективный лидер, мог существовать, когда руководители партии шли на самоограничения во имя единства партии не на словах, а на деле, что было возможно на первых этапах существования партии, но в 1917 году было уже нереальным. В одиночку ни один из видных руководителей партии, которые стали претендовать на роль вождя партии — В.М. Чернов, А.Ф. Керенский, Н.Д. Авксентьев — с этой ролью не справился. Не хватило нужных талантов и у Авксентьева, который также попытался сыграть эту роль «главного среди первых» в партии и вступил в конкурентную борьбу с Черновым.

Эта борьба длилась не только на протяжении периода от Февраля к Октябрю, но и после него, когда Авксентьев сознательно расстраивал попытку Чернова возглавить альтернативное большевикам социалистическое правительство, проект которого Чернов пытался реализовать на рубеже октября-ноября 1917 года.

Но еще сильнее их личное противостояние проявилось в 1918 году, когда Авксентьев возглавил коалиционную Уфимскую директорию, поставив эсеровский Самарский Комуч в подчиненное положение.

Представляется, что личная борьба Чернова и Авксентьева за доминирование в эсеровской партии очень дорого обошлась и самой партии, и стране.

Подводя итог. Потенциал эсеровской партии и ее людей оказался в силу целого ряда объективных и субъективных причин не реализован. Особенно это касается нереализованной демократической альтернативы эсеров. Об этом очень хорошо написал Варлам Шаламов еще в 1964 году в своем рассказе «Лучшая похвала» (сборник «Левый берег»), где есть следующие, на наш взгляд, точные и справедливые строки: «Эсеровская партия — партия трагической судьбы. Люди, которые за нее погибли — и террористы, и пропагандисты, — это были лучшие люди России, цвет русской интеллигенции, по своим нравственным качествам все эти люди, жертвовавшие и пожертвовавшие своими жизнями, были достойными преемниками героической “Народной воли”, преемниками Желябова, Перовской, Михайлова, Кибальчича. <...> И в свержении самодержавия эсеровская партия сыграла великую роль. Но история не пошла по ее пути. И в этом была глубочайшая трагедия партии, ее людей»[10].

Представляется, что ценны в эсеровской демократической альтернативе не только ее традиционные народническое народолюбие и демократизм и не только попытка пойти по пути решительных реформ к социальному государству и к модернизации (с учетом интересов трудящихся классов общества), но не менее ценно и то, что после эсеров (центра и правых), когда они через несколько лет проиграли бы (по законам маятника) очередные выборы более правым силам, в России остался бы работающий механизм парламентаризма и смены власти демократическим путем, политические свободы, мощные профсоюзы и окрепшие институты гражданского общества, а не созданные большевиками их симулякры и укрепленные ими же недемократические традиции управления, непреодоленные и в постсоветское время.

Библиография

Партия социалистов-революционеров (2000). Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. Октябрь 1917– 1925 г. М.

Чернов В.М. (2007). Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания. 1905–1920. М.: Центрополиграф.

10. См.: сайт «Варлам Шаламов»: http://shalamov.ru/library/3/12.html

Why did the Socialist Revolutionary Party fail to realize its democratic alternative in 1917?

Konstantin Morozov, Dsc (History), Professor of the Department of the History of Russian Statehood STEPS ION RANEPA. 119571, Moscow, Vernadsky Prospect, 82. E-mail: morozov.socialist.memo@gmail.com.

The article analyzes the reasons why the Socialist Revolutionary Party (PSR), one of the most influential organizations that operated in Russia in 1917, failed to realize its democratic alternative despite its victory in the elections to the Constituent Assembly. In contrast to the still prevailing view that only a White or Red dictatorship could be established in Russia, the author believes that the necessary minimal and sufficient preconditions for the development along the path of democracy were ripe, and that the processes of the growth of the elements and the structures of civil society such as public organizations, parties, and trade unions began in Russia in 1917. However, the upward flow was opposed by the downward flow consisting of archaization, violent actions instead of peaceful ones, and the dispersion of modernity, all of which were especially evident during the Civil War. The reasons for the failure of the Socialist-Revolutionary alternative, on the one hand, lay in objective conditions, including the tense social and political contradictions caused by the too-long delay of the country's modernization by the previous regime, the general bitterness and fatigue caused by the war, and in the psychological attractiveness of the populist Bolshevik slogans that promised «everything and immediately». This was in contrast to the Socialist-Revolutionaries who proposed to defend the country from the irresponsible actions of the Bolsheviks seeking power, and to postpone the implementation of socio-economic transformations before the convocation of the Constituent Assembly.

On the other hand, the reasons for the PSR failures in 1917 are also to be found in the party itself, as seen in its actions in the interweaving of undrawn illusions, ideological discrepancies, and the personal struggles for power in the Party. Among these reasons are the illusions about yesterday's Bolshevik "friends-enemies", in which many Socialist-Revolutionaries saw enemies like Kornilov or Denikin as not so terrible, the generosity of these people, and their incorrigible optimism. In addition, the desire to act by legal methods, without experimentation and adventures, also played a role.

It seems that the Socialist-Revolutionary democratic alternative was valuable not only for its traditional Narodnik (the love of people and democracy), or its attempts to take the path of decisive reforms to the social state and to modernization (taking into account the interest of the working classes of society), but equally for the existence of the socio-political conditions when the Socialist-Revolutionaries (the center and the right) would lose (according to the laws of the pendulum) the next elections in a few years to more right-wing forces. There would have been a working mechanism of parliamentarism, the changing of power in a democratic way, strong trade unions, and strengthened institutions of civil society in place, rather than the simulacra soon to be created by the Bolsheviks, and their reinforced undemocratic managerial traditions which were also unresolved in the post-Soviet period.

Keywords: Socialist Revolution Party, democratic alternative, political struggle in 1917, reasons for the failure of the Socialist Revolutionary Party in 1917

References

The party of socialists-revolutionaries (2000). Documents and materials. Vol.3. Part 2. October 1917–1925. Moscow.

Chernov V. M. (2007) *Great Russian Revolution. Memories of the Chairman of the Constituent Assembly. 1905–1920*. Moscow: Centerpolygraph.